

Историческая память о джадидизме в современном Узбекистане

Ю.Н. Гусева

Московский городской педагогический университет

Исследование посвящено различным аспектам конструирования политического нарратива об узбекских джадидах-реформаторах как части национального метанарратива о Третьем Ренессансе Нового Узбекистана. В центре внимания – содержание политического нарратива о джадидах, а также деятельность акторов, которые генерируют и транслируют подобные нарративы. Сверх того, показано, как «переизобретённая» историческая память о джадидах воплощается в коммеморативных практиках современного Узбекистана.

Анализ опирается на методологические подходы исследований нарративов и исследований памяти. Источниками выступают публичные заявления представителей современной узбекской политической элиты, мемориальные законы, государственные документы, отражающие тематику исторической памяти о джадидах. В фокусе внимания автора также находятся исследования узбекских историков о джадидах, начиная с 2000-х гг.

Заключается, что основными чертами современного политического прочтения джадидского наследия становится его реформистский, демократический потенциал, открытость к новациям с опорой на национальные традиции. Актуальный политический нарратив о славных предках-джадидах легитимирует реформы, проводимые в стране, презентуя их как сменяющие друг друга эпохи возрождений («Третий Ренессанс»). В узком инструментальном ключе этот нарратив важен для легитимации усилий главы государства как неоджадида XXI века и курса реформ, который в «переизобретённой» рамке осеняется понятиями «крови», вековой созидательной «энергии поколений». Исключительно важна и актуализация «полезного» прошлого для укрепления национального метанарратива о полноценности и историчности проектов суверенной государственности обновлённого Узбекистана и национальной идентичности узбеков.

На конструирование и поддержание джадидского нарратива направлены серьёзные государственные усилия – практики институциональной поддержки джадидологии и публичной коммеморации «переизобретённого» джадидского наследия. Узбекские научные школы активно участвуют в выработке этого национального метанарратива о Третьем Ренессансе Нового Узбекистана, который, в свою очередь, влияет на развитие научных исследований в этой области.

Сделан вывод, что представление о джадидизме как о самом успешном западном проекте реформ пролагает невидимую, но вполне осязаемую интеллектуальную границу между Узбекистаном (Востоком) и значимым «Другим» (Западом).

УДК 327.56:94(575.1):316.75

Поступила в редакцию: 16.10.2025

Принята к публикации: 02.12.2025

Вместе с тем значительный интеллектуальный потенциал джадидизма как специфической модели модернизации способен не только оформлять текущие политико-идеологические задачи, но содержит глубокую проработку собственной, незападной версии современности, основанной на специфическом культурном и религиозном контексте.

Ключевые слова: джадидизм, джадидизм в Узбекистане, историография джадидизма, политический нарратив, национальный метанарратив, Третий Ренессанс, Новый Узбекистан

Учёным, специализирующимся в области интеллектуальной истории российского ислама и наблюдающим за научными дискуссиями в странах Центральной Азии, замечен тренд последних лет, выраженный в неуклонном росте внимания политиков и научного сообщества стран этого региона к наследию джадидов¹. Республику Узбекистан можно назвать одним из локомотивов в изучении и публичной презентации этой темы с начала 2000-х гг.

В статье анализируется конструирование политического нарратива об узбекских джадидах как элемента национального метанарратива о Третьем Ренессансе Узбекистана. Рассматриваются акторы, формирующие и транслирующие историко-политические интерпретации джадидского наследия, задающие рамки официального политического и академического дискурсов, а также механизмы закрепления «переизобретённой» памяти о джадидах в коммеморативных практиках современного Узбекистана.

Общественно-политические и научные дебаты в Узбекистане и за её пределами отражают сложный, многогранный характер джадидизма и его актуальность для современных мусульманских сообществ региона. В постсоветскую эпоху наследие джадидизма по-разному интерпретировалось и присваивалось политическими элитами различных стран: одни акторы стремились возродить идеалы движения как часть национальной идентичности, другие критиковали его связь с идеологиями и политикой советской эпохи (Ross 2024). В последние годы мы наблюдаем явный крен в пользу позитивного прочтения этого явления, включённого в рамку «полезного», «актуализированного прошлого».

Анализ данной проблематики представляется значимым по ряду причин. Прежде всего, реконструкция генезиса и логики формирования национального политического метанарратива о «Новом Узбекистане» невозможна без

¹ В самом общем виде джадидизм можно обозначить как движение, интеллектуальное течение в мусульманских регионах Евразии (прежде всего, тюркоязычных), сформировавшееся на рубеже XIX–XX вв. на территории Российской Империи (Крым, Волго-Урал) и направленное на реформирование культурно-образовательной сферы в мусульманских сообществах. Джадиды основывали школы нового типа, ориентированные на введение светских дисциплин и актуальных, западных, методик преподавания, театры, библиотеки и музеи, газеты и журналы, благотворительные общества, были сторонниками уравнивания прав мужчин и женщин, отправки мусульманской молодёжи на учёбу за границу и пр.

обращения к джадидизму, его реформаторскому потенциалу и современной интерпретации его наследия.

В широком академическом и идеологическом контексте феномен джадидизма вписывается в проблематику изучения незападных моделей модерна, увязывается с концепцией «множественных современностей» Ш. Эйзенштадта, рассматривающего современность как набор различных путей модернизации, каждый из которых формируется под влиянием собственной истории и культурных предпосылок, а не как единый универсальный процесс западной модернизации (Eisenstadt 2006).

Истории о джадидах оказывают заметное влияние на культурную дипломатию, гуманитарные связи страны, так как в своём увлечении джадидской проблематикой Узбекистан не одинок. Научные и общественные мероприятия по этой теме прочно вошли в академические календари европейских стран, Казахстана и Турции.

Заметным актором в формировании транснационального дискурса о джадидизме выступает Турецкая Республика. «Переизобретённая» история джадидизма потенциально может быть использована для символического подкрепления идей общетюркского политико-культурного единства, что объективно вызывает насторожённость российской стороны. Показателен, в частности, международный научный симпозиум «Горизонты джадидизма в столетии тюркских государств: взгляд из прошлого в будущее перед лицом неоколониальных вызовов», проведённый в мае 2025 г. в Стамбуле под эгидой Великого национального собрания Турции. Среди заявленных целей мероприятия – акцентирование антиколониальной, антиимперской и общетюркской интерпретации джадидизма и его значимости для формирования контуров будущего «объединённого тюркского мира»². Обсуждение при этом велось в логике критического переосмысления российского имперского и советского прошлого при практически полном игнорировании вклада мусульман Волго-Уральского региона в становление и развитие джадидского движения³.

Между тем западная наука давно и системно занимается изучением джадидизма. Даже беглый обзор современной историографии показывает высокую интенсивность и полемичность дискуссий, характерных для ведущих исламоведческих центров и специалистов по истории ислама в России и Центральной Азии⁴. В рамках этих дебатов ведущие исследователи нередко вступают

² Страница мероприятия: URL: <https://cedidciliksempozyumu.uskudaruniversitesi.edu.tr/ru/2025/o-simpoziume> (дата обращения – 16.07.2025).

³ Для российского исследователя, который погружён в перипетии интеллектуальной истории ислама в Евразии, подобное прочтение этого феномена выходит за рамки устоявшихся научных представлений. Тем удивительнее, что в России эта тема перешла из разряда актуальных, как это было в 1990-е – начале 2000-х гг., в категорию рядовых и маловостребованных.

⁴ См., например, Eden, Sartori, De Weese 2016; Sartori 2016; Сенюткина 2018.

в жёсткую критическую полемику, которую А. Моррисон обозначает как «джадидологические войны» (Morrison 2025; Ross 2024).

Для российского читателя актуальность темы определяется, в частности, необходимостью анализа того, как в странах Центральной Азии переосмыслиется интеллектуальное наследие мусульман России, как конструируется представление об их вкладе в развитие мировой мусульманской мысли и каким образом соответствующие идеи включаются в современную политико-идеологическую повестку региона. Результаты исследования позволяют также наметить линии схождения и расхождения узбекской трактовки джадидского нарратива с интерпретациями, представленными в других странах. Это, в свою очередь, важно для более точной оценки степени субъектности узбекской внутренней и внешней политики и для соотнесения её отдельных элементов с турецким дискурсом пантюркизма.

Цель статьи – проанализировать, каким образом в процессе конструирования «большого» национального нарратива о Третьем Ренессансе Узбекистана переопределяется, «изобретается» и публично репрезентируется историко-культурное наследие джадидов – как в академическом дискурсе, так и в коммеморативном пространстве. Эмпирическая база исследования включает публичные заявления представителей политической элиты, современные работы узбекских историков о джадидах, а также официальные нормативные и программные документы⁵.

В соответствии с поставленной целью последовательно рассматриваются следующие вопросы: каким образом в публичном поле оформляется и транслируется политический нарратив о джадидах; как он соотносится с идеями реформ в современном узбекском обществе и подпитывает метанарратив о Третьем Ренессансе; какие акторы формируют академический нарратив о джадидизме и каковы его ключевые содержательные акценты; какие мемориальные практики национальной памяти о джадидах инициирует и поддерживает государство. Структурно статья включает анализ метанарратива о Третьем Ренессансе Узбекистана, затем реконструкцию конструирования исторического нарратива о джадидах и джадидизме в академическом дискурсе и, наконец, рассмотрение практик публичной коммеморации «пересобранной» джадидской традиции.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что политический нарратив о джадидизме функционирует как компонент метанарратива о прошлом, настоящем и будущем страны. Интеллектуальное наследие джадидов и их жизненный путь включаются в структуру мифа основания современного Узбекистана⁶: местные джадида представляют как предтечи нынешних

⁵ Все законодательно-нормативные акты в Узбекистане публикуются в национальной базе законодательства (Lex UZ - <https://lex.uz/>), в том числе на русском языке.

⁶ Понятие «миф» в статье употребляется в нейтрально-безоценочном ключе.

реформаторов, начавшие столетие назад «Третий Ренессанс», который в XXI в. интерпретируется как продолжающийся в рамках проекта построения «Нового Узбекистана». Поддержание этой конструкции обеспечивается комплексом государственных практик – от институционального стимулирования исследований в области джадидологии до разветвлённой системы публичной коммеморации; существенную роль в данных процессах играет и узбекское научное сообщество.

Новизна работы заключается в анализе современных практик переосмысления джадидизма в Узбекистане на материале политических текстов и документов 2000–2025 гг., а также корпуса актуальных исторических исследований. В предлагаемом ракурсе, предполагающем совместное применение оптики *narrative research* и *memory studies* к связке «политический метанарратив – академический дискурс – коммеморация», данная проблематика в отечественной литературе ранее рассматривалась фрагментарно.

Нельзя сказать, что история политических идей, процессы формирования современной национальной и гражданской идентичности, национализма и исторической памяти в постсоветском Узбекистане остаются вне поля научного внимания. Показано, что исторические нарративы (в том числе концепты «Чагатайского улуса» и «государства кочевых узбеков») обеспечивают символическую основу и легитимационный ресурс, а в ряде случаев задают содержание современной национальной идентичности (Stone 2023; Tuysanov, Nurbayev, Kiyubek 2024). Отдельные исследователи подчёркивают связь идентичностных установок с внешнеполитическими ориентирами (Museyibzada, Usmonov 2024; Yilmaz, Duran 2023), тогда как проблематика исторической памяти и её соотношения с гражданской идентичностью рассматривается сравнительно реже (Dadabaev 2015).

Европейская и американская политологическая литература существенно продвинулась в анализе механизмов использования политических и исторических нарративов в различных практиках управления и типах режимов. Это направление открывает широкие возможности для сравнительных исследований на материале разных регионов (Sinkkonen 2025; Zhang 2024; Soest, Grauvogel 2017). Западные авторы показывают характерное для ряда политических режимов стремление опираться на историко-культурное наследие при конструировании национальных и националистических концептов и поддержании политического курса (Lee 2023; Zajda 2017). Отдельно анализируются стратегии легитимации, в основе которых лежат основополагающий миф и/или фигура правителя (Soest, Grauvogel 2017).

Показано также, что исторические нарративы нередко используются для легитимации «этических» или «традиционных» норм, утверждения «цивилизационной особенности» и проведения жёсткой границы между «своими» и значимым «Другим» – например, между «Западом» и «Востоком». М. Томпсон предлагает

обозначать термином «реакционный культурализм»⁷ практику обращения к культурным различиям как инструменту сдерживания политического влияния Запада (Thompson 2019).

Историографические дебаты подчёркивают, что джадидизм нельзя редуцировать к простой оппозиции традиционалистскому исламу: скорее, речь идёт о сложном социально-религиозном реформаторском движении, в рамках которого исламские доктрины переосмысливаются через рационалистическую и гуманистическую призму (Lazzerini 2023). Исламские реформаторы XIX в. активно участвовали в выработке собственного проекта современности, переинтерпретируя традицию с помощью современных понятий и формируя специфический исламский дискурс модерности, опирающийся на «аутентичное» религиозное прошлое. В этом ключе, с опорой на теорию множественных современностей Ш. Эйзенштадта, Д. Мухетдинов утверждает, что джадидизм переопределяет понятие современности и представляет собой «новый тип религиозности, возникший в результате ответа на вызовы современности» (Мухетдинов 2022: 58).

Кейс Узбекистана представляется сопоставимым с опытом ряда соседних стран. Так, в литературе представлены исследования о том, как Казахстан использует официальный исторический нарратив для формирования нового образа на международной арене (Waškiel 2019), а также работы, посвящённые коммеморативным стратегиям в казахстанском обществе в контексте сохранения памяти о Второй мировой войне (Rees 2024).

Российская научная школа, в свою очередь, накопила существенный методологический потенциал в области исследований памяти. Наряду с общетеоретическими разработками, ряд авторитетных специалистов анализирует публичные высказывания главы государства по историческим вопросам в контексте российской политики памяти (Миллер 2023; Малинова 2019).

В методологическом отношении настоящее исследование опирается, с одной стороны, на подходы исследований памяти – при анализе «переизобретения» и актуализированного перепрочтения реформистских традиций мусульман, государственной политики памяти и практик коммеморации. Для данной исследовательской оптики принципиально важно понимание того, что конструирование официального нарратива предполагает отбор и закрепление одной из возможных интерпретаций прошлого в публичном дискурсе, причём историческая составляющая играет в подобных конструкциях системообразующую роль⁸. В социально-политическом смысле историческая наука нередко

⁷ В основе данного понятия лежит тезис о несовместимости демократических идеалов с культурными особенностями некоторых стран.

⁸ В данном исследовании «нарратив» – это рассказ-толкование, который связывает отдельные элементы реальности в относительно непротиворечивое целое, «простая и доходчивая история, резонирующая с народными ценностями, которая формирует в массовом политическом сознании желаемые для политика каузальные фреймы и тем самым создаёт мотивационную базу для определённого политического поведения» (Шейгал 2007: 91).

выполняет функцию поддержания коллективной идентичности: она канонизирует определённый образ прошлого в форме национально-государственного нарратива и «встраивает» в него культурную традицию народной памяти (Репина 2020: 5). Вслед за О. Малиновой в работе используется понятие «актуализированного прошлого» как «своеобразного репертуара исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» (Малинова 2016: 142). Также принимается её определение «национального нарратива» как «смысловой схемы исторического повествования, которая описывает “генеалогию сообщества”, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями и выступает важным механизмом социального конструирования идентичности» (Малинова 2015: 6).

С другой стороны, исследование требует предметного политологического анализа нарративов различного уровня – метанарративов (макроуровень) и их проявлений в виде отдельных политических нарративов (мезоуровень), к числу которых относится нарратив о джадидизме. В рамках исследований нарратива (narrative research) как направления в политических науках анализируется, как формируются «большие» и «малые» истории (storytelling), почему акторы по-разному воспринимают и интерпретируют события и каким образом закрепляют эти интерпретации в устойчивых смысловых конструкциях. Цель подобных исследований состоит в том, чтобы показать, как исторические нарративы участвуют в формировании политических идеологий и коллективной идентичности и как они репрезентируют события прошлого в публичном пространстве (Onwuegbuzie, Abrams 2024; van Hulst 2024).

Для настоящего исследования существенным является положение о том, что нарративы во многом вытесняют массивные доктринальные идеологии как инструмент политической коммуникации: носителями метанарративов, как правило, выступают влиятельные политики, которые концентрируют базовые смыслы и задают рамки элитного и массового дискурса. Упрощённые интерпретационные «рассказы» становятся одним из ключевых инструментов организации публичного политического поля (Соловьёв 2025: 21). Политический нарратив, как правило, характеризуется общественной значимостью сюжета, множественностью повествователей, сочетанием содержательного единства с вариативностью интерпретаций, доступностью формулировок и неизбежным упрощением реальности (Шейгал 2007). Эти нарративы динамичны: они эволюционируют, поддерживают и воспроизводят представления о легитимности прошлого и настоящего нации как «воображаемого сообщества» (Завершинский, Корюшкин, Чайовски 2022).

Под «политическими нарративами» в статье понимаются когнитивные конструкции со специфическими смысловыми акцентами и адресными посланиями аудиториям, влияющие на формирование политических убеждений социальных групп и крупных коллективов. Для их анализа используется тематический

анализ, предполагающий выявление и интерпретацию устойчивых смысловых тем и повторяющихся мотивов в рассматриваемых нарративах (Riessman 2007).

Джадидизм в пространстве политических высказываний

Для того, чтобы понять, каким образом символический капитал историко-культурного наследия джадидов становится частью национального метанарратива о прошлом, настоящем и будущем Узбекистана, обратимся к публичным высказываниям главы государства и законодательным решениям последних лет.

Переживающий период реформирования Узбекистан с 2020 г. развивается в идеологической парадигме «Трёх Ренессансов». В упрощённом прочтении эта концепция может быть сформулирована следующим образом: территория современного Узбекистана в древности была колыбелью двух великих эпох возрождения – Первого (просветительского, IX–XII вв.) и Второго (темуридского, XIV–XV вв.). Современный этап развития страны – это «Третий Ренессанс», подразумевающий проведение широкомасштабных демократических преобразований в различных областях, прежде всего, в сфере образования.

Эти идеи в выступлениях главы государства неоднократно озвучивались в связке с концептом построения Нового Узбекистана. В 2021 г. Ш. Мирзиёев в интервью газете «Янги Узбекистон» пояснил, что понятия «„Новый Узбекистан“ и „Третий Ренессанс“ гармонично перекликаются с нашей жизнью и вдохновляют наш народ на великие цели»⁹.

В «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы», принятой в январе 2022 года, фигурирует девиз «Новый Узбекистан – Третий Ренессанс»¹⁰.

В чём состоит пересечение этих понятий? Прежде всего, в том, что идея «Нового Узбекистана», переживающего «Третий Ренессанс», уходит своими корнями в «первую и вторую эпохи Возрождения». Авторами «Третьего Возрождения» изображаются предки-джадиды, которые «смело вступили на арену борьбы под флагом джадидизма – движения за обновление и свободу, справедливость и равенство, науку и просвещение, а также национальное самосознание (здесь и далее выделено мной – Ю.Г.) ... пробудили наш народ от векового невежества и придали ему беспрецедентную силу для национально-освободительного движения»¹¹.

Хотя поступательная прогрессистская логика реформ была опрокинута «большевистской диктатурой», бывшей «продолжением царской колониальной политики в новой формации», «благородные устремления» джадидов

⁹ Что такое Третий Ренессанс? URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения 20.07.2025).

¹⁰ Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № УП-60. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077#5843057> (дата обращения 20.07.2025).

¹¹ Что такое Третий Ренессанс? URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения 18.07.2025).

«сохранились в крови и исторической памяти нашего народа и живы до сих пор»¹². «В нашем регионе, который стал колыбелью двух великих Ренессансов в истории Востока, именно джадиды могли бы осуществить третий Ренессанс. К сожалению, тоталитарный режим не позволил полностью воплотить в жизнь их дальновидные идеи и устремления», – сказано в одном из обращений лидера страны к участникам международной конференции джадидологов¹³. Неоднократно отмечался «огромный вклад представителей этого движения в развитие национальной государственности и региональной самобытности, гражданского общества на территории Центральной Азии»¹⁴.

С высоких трибун говорится, что Узбекистан стал одним из центров масштабных общественно-политических и просветительских процессов, которые были запущены джадидами. На гуманистических принципах джадидизма строится в Узбекистане «свободное гражданское общество, правовое демократическое государство». В наследии предков-джадидов черпается духовная сила и энергия современными гражданами страны¹⁵. На новом этапе своего развития страна нуждается в людях, владеющих достижениями западной науки и воспитанных в духе национальных ценностей¹⁶.

Ключевая установка рассматриваемого политического дискурса состоит в том, что джадиды представлены как инициаторы Третьего Ренессанса, реализация которого в силу исторических обстоятельств не была завершена, однако должна быть продолжена последующими поколениями – образованными и социально ответственными гражданами современного Узбекистана. В этой логике на современников возлагается задача во имя будущего страны воспринять и актуализировать наиболее значимые элементы джадидского наследия, продолжить начатый ими в начале XX в. реформаторский проект и активно обращаться к мировому опыту и знаниям.

Принципиально важно, что «Ренессанс» в данном дискурсе мыслится возможным лишь при сочетании заимствования достижений Запада с опорой на собственные духовные и культурные традиции. В этом контексте джадидизм в узбекской интерпретации (и шире – в центральноазиатском пространстве)

¹² Что такое Третий Ренессанс? URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения 18.07.2025).

¹³ Участникам Международной конференции, посвящённой изучению наследия джадидов. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6007> (дата обращения 16.07.2025). Стоит отметить, что конференция проводилась при поддержке Организации тюркских государств, ТЮРКСОЙ, Международной тюркской академии, Международного фонда тюркской культуры и наследия, Парламентской ассамблеи тюркских государств.

¹⁴ Конференция 11-12 декабря 2023 года – приветствие главы государства. URL: <https://president.uz/oz/lists/view/6919> (дата обращения 15.07.2025).

¹⁵ Участникам Международной конференции, посвящённой изучению наследия джадидов URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6007> (дата обращения 16.07.2025); Президент: сфера духовности должна опережать на десять шагов другие сферы, духовность должна превратиться в новую силу, в новое движение! URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6941> (дата обращения 16.07.2025).

¹⁶ Президент: сфера духовности должна опережать на десять шагов другие сферы, духовность должна превратиться в новую силу, в новое движение! URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6941> (дата обращения 16.07.2025).

позиционируется не как локальное историческое явление, а как пример успешной незападной модели реформ и модернизации, обладающей универсальной значимостью для мусульманского мира.

Следующий важный шаг на пути конструирования политического метанарратива – помещение в эту картину мира лидера страны. Ему отведена историческая миссия «нового джадида», продолжателя славных реформистских традиций. В декабре 2023 г. на международной конференции, посвящённой истории джадидского движения, помощник президента Узбекистана С. Мирзиёева утверждала: «... идеи джадидов, их мечты отражаются в политике президента Шавката Мирзиёева. Новый Узбекистан под руководством президента-джадида смело идёт по пути создания светского правового государства и гражданского общества, создания системы качественного образования, обеспечения свободы слова и открытости, о которых мечтали наши предки»¹⁷.

Зафиксируем основные моменты. Национальный метанарратив «Нового Узбекистана» конструируется через присвоение интеллектуального наследия узбекских джадидов в вопросах создания собственной государственности путём реформирования различных сфер жизни. Джадидам приписывается процесс рождения Третьего Ренессанса, который был прерван советскими репрессиями, но, сохранившись в «крови и исторической памяти народа», продолжился сегодня под руководством президента страны.

Итак, Узбекистан позиционирует себя хранителем и продолжателем интеллектуальных и политических традиций джадидов Туркестана. В современных реалиях формируется государственная политика памяти с набором законодательных и разноплановых институциональных мер, инициированных, прежде всего, президентом.

В последние годы заметно активизируется проработка компонентов «национальных ценностей» и историко-культурного наследия как ресурсной базы государственной идеологии. Так, в «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» среди целей развития страны зафиксированы: просвещение в области правовой культуры «в сочетании с изучением богатой истории, научно-культурного наследия, национальных и религиозных ценностей нашего народа» (цель № 71), а также «государственная поддержка бережного сохранения, широкой популяризации и развития национальных ценностей и духовного наследия узбекского народа»¹⁸. Эти установки получают институциональное закрепление в нормативных актах и управленческих решениях.

¹⁷ Jadidlar: milliy o'zlik, istiqlol va davlatchilik g'oyalari. URL: https://uza.uz/oz/posts/jadidlar-milliy-ozlik-istiqlol-va-davlatchilik-goyalari-video_547067 (дата обращения 16.07.2025).

¹⁸ В перечне целей Стратегии (цель №73) фигурирует «глубокое изучение и широкая пропаганда богатого научного наследия наших великих предков». *Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы*. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № УП-60. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077#5843057> (дата обращения 15.07.2025).

Решением Президента от 26 марта 2021 г. была актуализирована работа в духовно-просветительской сфере: Республиканскому центру духовности и просветительства поставлена задача продолжить поддержку «идеологических преобразований как средства защиты и продвижения духовных и культурных ценностей Нового Узбекистана»¹⁹. В числе ключевых приоритетов «Концепции развития узбекского языка и совершенствования языковой политики в 2020–2030 годах» прямо обозначено «поощрение научных исследований по изучению богатого духовного наследия, жизни и деятельности ярких представителей джадидизма»²⁰.

Отдельный блок формализации «памяти о реформаторах» представлен в документах, посвящённых увековечиванию памяти жертв политических репрессий. В Постановлении Президента «О расширении работы по изучению жизни и деятельности, увековечиванию памяти соотечественников, ставших жертвами политических репрессий» от 19 июля 2024 г. общее число пострадавших определяется как более 100 тыс. человек²¹, при этом в особую категорию выделены «представители движения джадидов»; термин «джади́ды» употребляется в документе 28 раз. Постановление предусматривает комплекс мер: организацию государственного заказа на научные исследования; активизацию рассекречивания личных дел и иных документов; оцифровку и реставрацию архивных материалов; повышение качества контента электронной платформы «Jadidlar.uz»; проведение в образовательных учреждениях в рамках «Уроков независимости» занятий о жертвах репрессий, включая деятелей джадидского движения; установку памятных табличек; развитие издательских и выставочных практик²².

Примечательно, что в официальных документах присутствует выраженный жертвенный нарратив, при этом ответственность персонализируется минимально: в качестве источника репрессий фигурирует обобщённый «тоталитарный режим». В публичных выступлениях, напротив, в зависимости от контекста и аудитории, появляются более или менее определённые формулировки, в которых Советский Союз обозначается как носитель негативного исторического опыта.

¹⁹ Решение Президента Республики «О мерах по коренному совершенствованию системы духовно-просветительского дела» от 26 марта 2021 года. *Ўзбекистон Республикаси Президентининг қарори*, 26.03.2021 йилдаги ПҚ-5040-сон. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5344692> (дата обращения 15.07.2025). Ответственные исполнители: Академия наук, Республиканский центр духовности и просветительства, Институт истории, Государственный музей истории Узбекистана, Министерство высшего и среднего специального образования, Государственный музей памяти жертв репрессий, Министерство инновационного развития, Комитет по делам религий.

²⁰ Концепция развития узбекского языка и совершенствования языковой политики в 2020–2030 годах. Приложение к Указу Президента Республики Узбекистан от 20 октября 2020 года № УП-6084. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5058375?query=джадид#sr-1> (дата обращения 07.08.2025).

²¹ Постановление Президента Республики Узбекистан, от 19.07.2024 г. № ПП-270 «О расширении работы по изучению жизни и деятельности, увековечиванию памяти соотечественников, ставших жертвами политических репрессий». URL: <https://lex.uz/docs/7027942> (дата обращения 15.07.2025).

²² Постановление Президента Республики Узбекистан, от 19.07.2024 г. № ПП-270. URL: <https://lex.uz/docs/7027942> (дата обращения 15.07.2025).

Академический дискурс о славных предках-джадидах

В одном из обращений главы государства к участникам научной конференции подчёркивалось, что, «несмотря на наличие в ряде стран мира многочисленных исследований, посвящённых становлению и развитию идеи джадидизма как уникального общественно-политического явления, по-прежнему сохраняется актуальность всестороннего – концептуального и системного – осмысления вклада представителей этого движения в развитие национальной государственности и региональной самобытности, а также гражданского общества на территории Центральной Азии»²³.

Тем самым государство адресует узбекскому научному сообществу и академическим институтам чёткий запрос на обновление и переосмысление представлений о джадидах. Возникает вопрос, в каком именно направлении осуществляется эта работа и какие ценностные ориентиры «актуализированного прошлого» формируют её содержательное ядро.

В обсуждении исторических причин и предпосылок возникновения движения среди узбекских учёных принципиальных расхождений нет. Они видят в джадидизме «ответ на вызов» колониализма, с негативными социально-политическими и культурными последствиями которого столкнулись страны Центральной Азии. Джадиды видели стагнацию образования, социально-экономические трудности узбекского народа и задумывались о путях преодоления этих проблем (Abdullaeva et al. 2022; Khodjaeva 2022; Kulshanova 2022; Mamadiyev et al. 2022). Некоторые авторы утверждают, что движение джадидов пропагандировало национальное освобождение от колониализма (Abzhalov et al. 2024; Nurmatov et al. 2022; Mamadiyev 2022; Mirzaakhmedova 2022).

К началу 2000-х гг. относится формирование и активное распространение сравнительной метафоры, сопоставляющей джадидизм с европейским Возрождением (Abdirashidov 2014); со временем она прочно закрепилась в современном метанарративе о национальном возрождении Узбекистана. Начиная с работ Б. Косимова, джадидизм и его изучение в условиях независимости стали интерпретироваться как часть более широкого процесса «национального возрождения» страны (Qosimov et al. 2004).

В фундаментальных исследованиях З. Абдирашитова и Д. Алимовой подчёркивается особая роль крымского просветителя Исмала Гаспринского, рассматриваемого как одного из ключевых лидеров не только узбекских джадидов, но и джадидского движения в Туркестане в целом (Алимова 2000; Abdirashidov 2024). Тем самым акцент смещается с локального измерения движения на его общетуркестанский и трансрегиональный характер.

²³ Конференция 11-12 декабря 2023 года – приветствие главы государства. URL: <https://president.uz/oz/lists/view/6919> (дата обращения 15.07.2025).

Ряд авторов обращает внимание на значимую социокультурную и политическую роль джадидов в жизни тюркских народов Российской империи. Возникнув как проект реформирования школьного образования и культурной модернизации, джадидизм со временем выдвинул политические лозунги и трансформировался из преимущественно культурного феномена в политическую силу тюркских обществ (Kulshanova 2022). В отдельных исследованиях подчёркивается вклад узбекских джадидов в развитие всего Туркестана, а не только узбекского сообщества (Sevara 2023).

Обобщая наработки региональных исследователей различных гуманитарных дисциплин (историков, филологов, педагогов, журналистов) к началу 2010-х гг., З. Абдирашитов фиксирует многообразие исследовательских тем и интерпретационных подходов (Abdirashidov 2014). При этом он формулирует «национальную идею» джадидов как стремление к политической независимости и национально-государственному строительству, полагая, что данная идея достигла своей кульминации в конце 1917 г. с созданием Туркестанской автономии – «первого и последнего политического управления в Туркестане, созданного джадидами» (Abdirashidov 2024: 997).

В современной историографии также утверждается, что джадидское движение последовательно критиковало автократические и феодальные порядки, рассматриваемые как препятствие общественному прогрессу. Историческая миссия джадидизма интерпретируется как попытка бросить вызов существующему социально-политическому устройству и инициировать его трансформацию (Khodjaeva 2022; Mamadiyev 2022). В этом контексте джадидизм нередко описывается как фактор формирования коллективного национального самосознания и как катализатор более широких демократических и национально-освободительных движений (Esanov 2025).

Развивая представления о национальном самосознании и общей идентичности, джадиды, согласно ряду авторов, внесли вклад в формирование предпосылок независимого узбекского государства (Sobirovich 2022; Kulshanova 2022; Turdiyev 2022; Sevara 2023). В этих интерпретациях подчёркивается, что ориентация на сильную национальную идентичность рассматривалась как необходимое условие выживания и развития народа в условиях колониального давления и внешнего влияния (Sobirovich 2022; Stone 2023).

Наибольшее внимание исследователей привлекает вопрос о характере модернизации, направленности реформ, которые предлагали и воплощали джадиды. Джадидизм был не только образовательным, но и культурным и политическим движением, которое стремились сохранить и развить национальную самобытность, возрождая узбекский язык, литературу и искусство (Sobirovich 2022; Kulshanova 2022). Подход джадидов был нацелен на воспитание поколения, способного внести вклад в национальное возрождение и духовный рост Туркестана. Они были первопроходцами в реформе образования и стремились привести традиционные ценности в соответствие с современными образовательными

практиками (Sevara 2023; Mirzaakhmedova 2022; Sadriddinova 2024). Создание ими школ нового типа способствовало формированию у молодёжи чувства самобытности и культурной гордости, что в современных условиях крайне важно для строительства Нового Узбекистана (Akhrorov 2024; Samadova 2025). Особо обращается внимание на вопрос доступности образования для всех членов общества, включая женщин (Ergasheva 2022).

Неоднозначная тема – отношение джадидов к исламу. Исследователи настаивают на том, что реформаторы стремились объединить интеллектуальные походы Востока и Запада (Esanov 2025), но на этом пути столкнулись с противодействием со стороны консервативных элементов, традиционного исламского духовенства, рассматривавшего реформы в качестве угрозы устоявшимся религиозным и культурным нормам (Abzhalov et al. 2024; Nurmatov et al. 2022).

Джадиды считали, что ислам может сосуществовать с современностью и что золотой век ислама можно возродить с помощью образования и культурных преобразований (Nurmatov et al. 2022; Evdokimov 2024). Этот синтез позволил джадидам выступать за реформы, учитывающие не только культурные особенности, но и задачи построения современного национального государства (Mamadiyev et al. 2022). Нередко проводятся параллели с проблемами современного узбекского общества, которое по-прежнему сталкивается с этим противоречием. Утверждается, что усилия джадидов соответствовали нынешним стремлениям Узбекистана создать общество, воплощающее современный ислам (Abdullaeva et al. 2022).

Отдельно стоит сказать об исследованиях в области истории права, включающих джадидскую тематику. Наше внимание привлёк текст диссертации на соискание степени доктора юридических наук Мавлуды Зулкандар кизи Эргашевой по теме «Взгляды джадидов Туркестана, Бухары и Хивы на государство и право» (защищена в Ташкенте в 2024 г.). Целью диссертации названа «разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию законодательства на основе научно-методологических основ изучения взглядов джадидов Туркестана, Бухары, Хивы на государство и право»²⁴. В работе обоснованы «полная гармония и взаимосвязанность сути и содержания Бухарской конституции и норм конституции Республики Узбекистан»²⁵. Утверждается, что в произведениях и программах джадидов были заложены идеи политической независимости нации. «Полное искоренение самодержавия и колониализма, а также независимость Туркестана были для джадидов не только идеями, но и практической деятельностью»²⁶ – данный вывод диссертанта противоречит современным европейским и российским исследованиям. Эргашева акцентирует внимание

²⁴ Эргашева Мавлуда Зулкандар кизи. 2024. Взгляды джадидов Туркестана, Бухары и Хивы о государстве и праве: Автореферат на соискание степени доктора юридических наук. Ташкент.

²⁵ Там же: 41.

²⁶ Там же: 44.

на исторических уроках джадидизма: потребность в сильной национальной армии, значимость выборов как первого шага на пути построения независимого демократического государства.

Некоторые специалисты углубляют и расширяют тезис о перекличке конституционных принципов, провозглашённых джадидской интеллигенцией начала XX в. (человеческое достоинство, светское управление, права женщин, создание сильного гражданского общества) с современными конституционными реформами. «Интеграция этих социально-политических идей в новую конституцию Узбекистана свидетельствует о целенаправленном стремлении привести современное управление в соответствие с давними реформистскими традициями, и тем самым установить формальную идеологическую связь между историческим джадидизмом и современным государственным управлением», – пишет Н. Ризаев (Rizayev 2025). Джадиды, инициировавшие судебные реформы в Туркестане, назначаются создателями современной узбекской судебной системы (Komolov 2025).

Обзор актуальных узбекских публикаций, претендующих на научный статус, показывает их устойчивую корреляцию с установками национального метанарратива. В ряде случаев фиксируется практически полное игнорирование принципа историзма: реформаторская повестка сегодняшнего дня диахронически соотносится с идеями и практиками реформизма начала XX в. Значительная часть таких текстов (хотя и не все) фактически сводится к воспроизведению и аргументации ключевых элементов политического нарратива о джадидизме.

При этом важно подчеркнуть, что узбекская историография обращалась к теме джадидизма задолго до того, как её актуализация стала компонентом государственной политики. К числу наиболее авторитетных современных исследователей относится доктор исторических наук Д. Алимова (см., например: Алимова 2000), в работах которой заметно стремление к дистанцированию от текущей политической конъюнктуры. Так, анализируя исторический контекст реформаторских настроений в Туркестане, она признаёт позитивное воздействие российской образовательной среды и, разумеется, роль И. Гаспринского, одновременно фиксируя социально-экономические и культурные последствия включения региона в состав Российской империи (Алимова 2000). Рассматривая идейные истоки джадидизма, Алимова подчёркивает значимость русского языка как канала, через который в местную среду проникала европейская литература. К числу ключевых ошибок реформаторов она относит недостаточное внимание к вопросам экономики и юриспруденции, а также недооценку специфики и намерений большевистской политики²⁷.

²⁷ Алимова Д.А. 2022. «Джадиды – интервью с Дилором Алимовой». URL: <https://www.caa-network.org/archives/23754/dzhadidy-intervyu-s-dilorom-alimovoj> (дата обращения 17.07.2025).

Работы авторитетного узбекского исследователя истории ислама в регионе Б. Бабаджанова на эту тему тесно связаны с западной историографической традицией, со стремлением объективно осветить эту проблематику, отказавшись как от советской трактовки этого явления, так и от конъюнктурно-политической²⁸.

Итак, сформировавшийся исторический нарратив о джадидизме в современной узбекской историографии может быть описан через ряд устойчивых положений, задающих его актуальность для настоящего:

- джадидизм сыграл значимую роль в просвещении и модернизации жизни тюркских народов;
- движение выступало за национальную независимость, внесло существенный вклад в борьбу за автономию и самоопределение в регионе и – в конечном счёте – рассматривается как один из истоков формирования независимой узбекской государственности;
- джадидизм обозначается как фактор оппозиции существующему политическому порядку и как импульс к его трансформации;
- ему приписывается участие в формировании оснований современной узбекской идентичности, включая развитие национального самосознания и реформирование ислама;
- наконец, джадидизм интерпретируется как пример того, что реформистские движения, опирающиеся на «традицию» и одновременно сопрягаемые с идеями современной политической мысли, способны порождать долгосрочные институциональные изменения.

В совокупности эти положения фактически развивают установки политического нарратива о вкладе джадидов в национальную государственность, сохранение самобытности и расширение возможностей реформ для развития Узбекистана – государства, которое в официальной рамке мыслится как ориентированное на прогресс при одновременной опоре на собственный культурный капитал и духовное наследие ислама в его «обновлённом» виде. Нередко такая логика приводит к ослаблению собственно научного измерения исследований: критическая дистанция сокращается, а методологическая рефлексия уступает место апологетической реконструкции.

В «переизобретённой» истории узбекского джадидизма, в отличие от советской историографии, усиливается мотив национальной травмы и заметен антиколониальный пафос; подвергается критике советская трактовка джадидизма как буржуазно-либерального националистического движения. В результате в публичном поле становится возможным разговор о трагической судьбе джадидов и их «прерванном полёте», что находит прямое отражение в коммеморативных практиках.

²⁸ См., например, Sartori, Babajanov 2019.

Отдельного внимания заслуживает и воображаемая «джадидская география». При обсуждении генезиса идей и деятельности ключевых теоретиков регулярно упоминаются регионы Российской империи (прежде всего Крым; заметно реже – Волго-Урал и Кавказ). Вместе с тем сама Российская империя как целостное политическое пространство, как правило, возникает в нарративе главным образом при объяснении причин появления джадидского движения.

Наконец, и политико-идеологическая, и академическая версии нарратива о джадидизме, как правило, воздерживаются от прямого принятия турецких трактовок общетюркского характера этого явления. Джадидизм интерпретируется преимущественно в координатах собственного государственно-правового строительства и стратегии национального развития, что позволяет сохранять дистанцию по отношению к внешним рамкам его «общетюркской» политизации.

Практики сохранения исторической памяти о джадидах Узбекистана

Из-за тесной связи этой тематики с «трудным» советским прошлым первым из крупных коммеморативных институтов стал Государственный музей Памяти жертв репрессий (*Qatag'on qurbonlari хотираси davlat muzeyi*), открытый в 2002 г. в Ташкенте (ул. Амира Тимура, 110/1)²⁹. С 2017 г. он напрямую подчиняется Кабинету министров Республики, что подчёркивает его особый статус. Целый раздел музея посвящён джадидам – «лидерам национального возрождения»³⁰. Музей располагается рядом с мемориальным комплексом «Мемориал шахидов»³¹ (*Shahidlar хотираси*), открытым в 2000 г. на месте массового захоронения репрессированных в Юнусабадском районе Ташкента.

Практики увековечения памяти получили распространение и в образовательной среде. В ряде узбекских университетов в конце 2010-х – начале 2020-х гг. были открыты музеи жертв политических репрессий, в экспозициях которых, наряду с другими сюжетами, представлены и материалы о джадидах как о деятелях, «сопротивлявшихся колонизаторской политике» Советской России³².

Постепенно джадидская тематика приобретает собственную коммеморативную субъектность, оформляясь в самостоятельное направление государственной и общественной политики памяти. Так, в декабре 2023 г. было анонсировано принятие постановления президента, посвящённого изучению

²⁹ Представляет собой двухкупольное здание, состоящее из трёх просторных залов.

³⁰ Сайт музея: <http://muzey-xotira.uz/>

³¹ Шахид в исламе: мученик, погибший за веру.

³² Подобные музеи: Джизаский государственный педагогический университет имени Абдуллы Кадыри (<https://jdpu.uz/ru/muzeyi/>); Гулистанский государственный университет. (<https://guldu.uz/ru/universitet/tuzilma/markazlar/university-museum/61-qatagon-qurbonlari-xotirasi-muzeyi.html>) и др.

и развитию идей предков-джадидов, а также строительству музея и учреждению газеты «Жадид» (в переводе с узбекского – «Джадид»)³³.

В мае 2024 г. Ш. Мирзиёев подписал указ «О создании Государственного музея наследия джадидов» (Jadidlar merosi davlat muzeyini)³⁴. В комплексе «Ховли Поён» Бухары планируется создать экспозицию рукописей и личных вещей представителей джадидизма, разместить мультимедийную систему об истории этого явления. При комплексе откроется научный центр по изучению наследия джадидов. Среди основных задач музея – «достоверное освещение и широкая пропаганда» идей джадидов «в деле создания духовных основ национальной независимости», а также международное сотрудничество³⁵.

Исторический нарратив о джадидах, историческая память о них представлены и в цифровом пространстве. Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан по заказу Фонда развития узбекского языка при Кабинете министров Республики Узбекистан разработал электронный портал «jadidlar.uz», где размещены научно-популярные, просветительские, архивные материалы по истории джадидизма. В настоящий момент на электронной платформе собраны более 100 монографий и собраний сочинений узбекских джадидов, материалы газет, документы из советских архивов, 39 диссертаций. Планируется, что в ближайшее время появятся аудиовизуальные материалы, будет расширяться база архивных источников.

Как отмечалось, джадидская тема вплетена в мемориальную политику «по увековечению памяти подвергшихся политическим репрессиям в период тоталитарного строя»³⁶: «Действуют мемориальный комплекс «Шахидлар хоти-раси» [«Память о жертвах» – Ю.Г.], Государственный музей памяти жертв репрессий и его территориальные отделения. Проводится много научных исследований, создаются художественные произведения, кинофильмы об истории джадидизма. Возводятся мемориальные комплексы, учебные заведения, создаются музеи, парки и скверы, носящие имена джадидов-просветителей. За последние три года Верховный суд Узбекистана реабилитировал более четырёхсот наших соотечественников – жертв репрессий. Особого внимания заслуживает то, что большую их часть составляют представители движения джадидов», – сказано в одном из обращений главы государства³⁷.

На конференции «Джади́ды: идеи национальной идентичности, независимости и государственности»³⁸ была представлена экспозиция «коридор памяти»,

³³ Президент: сфера духовности должна опережать на десять шагов другие сферы, духовность должна превратиться в новую силу, в новое движение! URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6941> (дата обращения 16.07.2025).

³⁴ Постановление Президента Республики Узбекистан, от 30.05.2024 г. № ПП-201. URL: <https://lex.uz/docs/6947382> (дата обращения 16.07.2025).

³⁵ Там же.

³⁶ В Узбекистане 31 августа отмечается День памяти жертв репрессий.

³⁷ Участникам Международной конференции, посвящённой изучению наследия джадидов. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6007> (дата обращения 16.07.2025).

³⁸ Состоялась в декабре 2023 г. в Ташкенте.

«посвящённая джадидам и джадидистскому движению в целом: его рождению, развитию, борьбе за ценности, подавлению и возрождению этих идей в эпоху Нового Узбекистана»³⁹.

В июне 2025 г. на средства Фонда развития культуры и искусства Узбекистана была организована масштабная мультимедийная выставка «Джадида. Письма в Туркестан», которая рассказывала о туркестанских студентах, отправленных на учёбу в Германию⁴⁰.

В отличие от официального политического дискурса, в академических исследованиях и коммеморативных практиках и мемориальном законодательстве тезис о негативном влиянии имперского и советского периода на историческую судьбу джадидов практически не маскируется. И если «культурное обновление в Узбекистане в течение десятилетия после обретения независимости представляло собой повторное присвоение советских методов контроля и идей, касающихся культуры» в целях государственного строительства (Adams 2010), то в политике памяти о джадидах советское идейное наследие, напротив, подвергается критическому переосмыслению.

Заключение

Наблюдаемый в Узбекистане процесс представляет собой инициируемое и поддерживаемое государством конструирование связного, упрощённого и в значительной мере ориентированного на эмоциональную сферу повествования о значимости джадидизма для прошлого, настоящего и будущего узбекского государства и общества. Апелляции к «крови», «духовной силе» и «энергии» народа задают тон политическому рассказу о джадидизме как о составной части национального метанарратива о современном Узбекистане, оказывающего влияние на формирование политической, гражданской и национальной идентичности. Нарратив о джадидах поддерживает концепт «Третьего Ренессанса», легитимируемый через достижения прошлого – проекты реформ, начатые «славными предками-джадидами» на рубеже XIX–XX вв. и, согласно нынешней интерпретации, продолженные в XXI в. Историческая память при этом закрепляется как в нормативно-правовой сфере, так и в публичном пространстве посредством набора разнообразных мемориальных практик.

Принципы, связываемые с джадидским наследием, включаются в современную общественно-политическую повестку: дискуссии о формировании национальной идентичности, образовательных инновациях, переходе к демократическому управлению, конституционно-правовых преобразованиях,

³⁹ Jadidlar: milliy o'zlik, istiqlool va davlatchilik g'oyalari. URL: https://uza.uz/oz/posts/jadidlar-milliy-ozlik-istiqlool-va-davlatchilik-goyalari-video_547067 (дата обращения 16.07.2025).

⁴⁰ Jadidlar. Turkistonga maktublar" multimedia ko'rgazmasi. URL: <https://www.afisha.uz/uz/exhibitions/2025/06/20/jadidlar> (дата обращения 16.07.2025).

а также о «модернизированной» версии ислама, совместимой с толерантностью, гражданскими правами и свободами. Тем самым джадидизм оказывается востребован как символический ресурс, позволяющий одновременно артикулировать реформаторскую программу и придавать ей историко-культурную глубину.

Характерно, что сравнительная метафора джадидизма с европейским Возрождением, сформулированная в академических работах начала 2000-х гг., органично встроилась в современный метанарратив о национальном возрождении страны. В стремлении укоренить реформистскую традицию в «крови и почве» неодажди XXI в. прибегают к стратегии, описываемой в литературе как «реакционный культурализм». Представление о джадидизме как о наиболее успешном незападном проекте реформ, опирающемся на традиционную культуру и духовность узбекского общества, формирует интеллектуальную границу между Узбекистаном как «Востоком» и значимым «Другим», в роли которого выступает аллегорический Запад. При этом симптоматично, что для обозначения желаемого образа настоящего и будущего используются понятия западной культурной традиции – «Ренессанс/Возрождение»: язык, посредством которого артикулируется «особость» узбекского проекта модернизации, по своей природе восходит к западному интеллектуальному и культурному контексту.

Возникает соблазн сблизить установки описанной исторической политики с турецким дискурсом пантюркизма, в рамках которого джадидизм трактуется как общетюркское и антиколониальное явление. На данном этапе, однако, основания для прямого отождествления представляются ограниченными. Определяющим остаётся фокус политической элиты на решении внутривнутриполитических задач и на конструировании национальной идентичности. Вместе с тем нельзя исключать возможной эволюции дискурса в сторону более выраженного внешнеполитического измерения, что делает проблему предметом внимания российских научных школ и заинтересованных государственных акторов.

Наконец, за джадидизмом следует признать значительный интеллектуальный потенциал, который может служить не только символическим сопровождением текущих политических задач, но и источником артикуляции собственной, незападной версии современности. Эта версия опирается на специфический культурно-религиозный контекст и может рассматриваться как особый религиозно-интеллектуальный ответ на вызовы, стоящие перед мусульманскими обществами в условиях модернизации и глобальных трансформаций.

Об авторе:

Юлия Николаевна Гусева – доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, РФ, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

E-mail: jguseva@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор выражает признательность за помощь в подготовке статьи профессора, доктора филологических наук А.С. Эркинова (Ташкент, Узбекистан).

Автор благодарит анонимных рецензентов за ценные замечания, высказанные в процессе подготовки статьи.

UDC: 327.56:94(575.1):316.75

Received: October 16, 2025

Accepted: December 2, 2025

Jadidism in Uzbekistan's Politics of Memory: Constructing the Narrative of the Third Renaissance

 Yu.N. Guseva

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-62-87](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-62-87)

Moscow City University

Abstract: This article analyses how the memory of Uzbek Jadid reformers is reworked and mobilized in contemporary Uzbekistan as part of the state-sponsored metanarrative of the “Third Renaissance” and the “New Uzbekistan”. It examines (1) the core semantics of the political narrative about the Jadids, (2) the actors and institutional channels that produce and circulate this narrative, and (3) the ways in which a “reinvented” Jadid past is translated into commemorative policy and practices.

Methodologically, the study combines narrative research and memory studies, focusing on the interaction between political storytelling, academic historiography, and memorial governance. The empirical base includes public statements of the Uzbek political leadership, memorial legislation and policy documents (with particular attention to the expanding regulatory and institutional infrastructure of memory), as well as Uzbek historical scholarship on Jadidism since the early 2000s.

The article shows that the dominant official reading of Jadidism foregrounds its reformist and “democratic” potential, presenting it as a culturally rooted yet innovation-oriented model of non-Western modernization. Within this framework, Jadid “ancestors” are positioned as initiators of a renaissance interrupted by the Soviet period but continued in the 21st century through contemporary reforms; this narrative is further personalized by depicting the current head of state as a “neo-Jadid” and is reinforced by affective idioms of “blood”, “spiritual strength”, and the “energy of generations”. The “useful past” thus functions as a legitimacy resource for sovereign statehood and national identity-building, while extensive state efforts – ranging from institutional support for Jadidology to museums, memorial sites, educational initiatives and digital platforms – stabilize the narrative in both law and public space. Finally, the article argues that portraying Jadidism as the most successful non-Western reform

project draws a tangible symbolic boundary between Uzbekistan as “the East” and an imagined “West”, even as the renaissance vocabulary itself remains rooted in Western conceptual heritage.

Keywords: Jadidism, Jadidism in Uzbekistan, historiography of Jadidism, political narrative, national metanarrative, Third Renaissance, New Uzbekistan

About the author:

Guseva Yu. Nikolaevna – Doctor of History, Professor, Institute of Humanities, Moscow City University. Bldg. 1, 4, 2nd Selskokhozyaystvenny Proezd, Moscow 129226, Russian Federation. E-mail: j.guseva@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The author acknowledges the assistance of Professor A.S. Erkinov (Tashkent, Uzbekistan), Doctor of Philological Sciences, in preparing this article.

The author thanks the anonymous reviewers for their valuable comments during the preparation of this article.

References:

- Abdirashidov Z. 2022. *Jadids. Mahmudkhodja Behbudi*. Tashkent: Youth Publishing House.
- Abdirashidov Z. 2018. Study of Jadidism in Independent Uzbekistan, *Asian research trends. New series*. 9. P. 47-73.
- Abdirashidov Z. 2024. The National Idea of Turkestani Jadids: Developing and Implementing. *Turkiyat Mecmuasi*. 34(2). P. 973–1001. DOI: <https://doi.org/10.26650/iuturkiyat.1512323>
- Abdullaeva M., Gafurova Sh. K., Khandamian V. 2022. Central Asian Jadids' Efforts to Serve the Nation by Bringing Enlightenment to the Country. *International Journal of Social Science Research and Review*. 5(7). P. 224–232. DOI: <https://doi.org/10.47814/ijssrr.v5i7.468>
- Abzhalov S., Bazarbayev K. K., Nurmatov Z., Abdrassilov T. 2024. An analysis of contribution of jadid movement in modernisation and reform of education in Central Asia, *Адам элми*. 99(1). P. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.48010/aa.v99i1.385>
- Adams L. L. 2011. *The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan*. Duke University Press.
- Akhrorov I. D. 2024. Jadid maktablarining shakllanish jarayoni hamda o'qitishning nazariy asoslari. *European International Journal of Pedagogics*. 4(11). P. 90–105. DOI: <https://doi.org/10.55640/eijp-04-11-20>
- Dadabaev T. 2016. *Identity and Memory in Post-Soviet Central Asia: Uzbekistan's Soviet Past*. Routledge.
- Eden J., Sartori P., De Weese D. 2016. Moving Beyond Modernism: Rethinking the Cultural Change in Muslim Eurasia (19-20 Centuries). *JESHO*. № 59. P. 1-36.
- Eisenstadt S.N. 2006. Multiple modernities in the framework of a comparative evolutionary perspective. *Comparative Perspectives on Social Change*. P. 199–218. DOI: 10.1057/9780230524644_14
- Esanov F.D. 2025. Jadidchilik Harakatining Vujudga Kelishi va Uning Ijtimoiy-Falsafiy Ahamiyati, *Экономика и социум*. №3 (130)-2. P. 112-116.

Kashiura C. N. 2015. Sujeito de direito e interpelação ideológica: considerações sobre a ideologia jurídica a partir de Pachukanis e Althusser / Legal Subject and Ideological Interpellation: considerations on legal ideology based on Pashukanis and Althusser. *Revista Direito e Práxis*. 6(1). P. 49–70. DOI: <https://doi.org/10.12957/DEP.2015.12742>

Kulshanova A. A. 2022. Jadidism: ideology, conceptual approaches and practice. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. 138(1). P. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-59-71>

Khodjaeva D. 2022. The fate and activity of the jadids in the soviet period. *Asian Journal of Multidimensional Research*. 11(10). P. 207–213. DOI: <https://doi.org/10.5958/2278-4853.2022.00268.3>

Komolov D. P. 2025. Action of the Jadids to Establish Judicial Authorities in Turkestan. *The Light of Civilization*. 2025-yil, 1-son (64) DOI: 10.69691

Lazzerini E. J. 2023. Jadidism, Modernity, and Islamic Communities of Imperial Russia. Oxford Research Encyclopedia of Asian History. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.291>

Lee J. 2023. Collective Memory and Everyday Politics in North Korea: A Qualitative Text Analysis of New Year Statements, 1946–2019. *Asian Studies Review*. DOI: <https://doi.org/10.1080/10357823.2023.2226814>

Mamadiyev S. S., Mirsalimova D. D., Bekjonova F.F. 2022. Jadidlarning Adidlarning Millat Rivoji Uchun Qo`shagan Hissas., *Scientific Progress*. Vol. 3, Issue 10. P. 211-214.

Mirzaakhmedova S. 2022. Jadid enlightenment “jadid ways” schools and public education. *Oriental Journal of Education*. 02(01). P. 149–155. DOI: <https://doi.org/10.37547/supsci-oje-02-01-23>

Morrison A. 2025. The Jadidology Wars. A plea for peace from a neutral bystander, *New Explorations into the medieval and modern history of Central Asia. Festschrift for Professor Dilorom Alimova*.

Museyibzada J., & Usmonov B. A. 2024. Formulating Uzbekistan's Evolving Strategic Narrative (2016–2024). *The Journal for Interdisciplinary Middle Eastern Studies*. 10(2). P. 135–168. DOI: <https://doi.org/10.26351/jimes/10-2/2>

Nurmatov Z., Abdrassilov T., Hwang Soon I. 2022. An analysis on the formation of jadidism in Central Asia in the late 19th and early 20th century (1870-1917). *Al'-Farabi*. DOI: <https://doi.org/10.48010/2022.2/1999-5911.11>

Onwuegbuzie A. J., & Abrams S. S. 2024. Towards mixed methods narrative inquiry and mixed methods narrative research that are transparent, rigorous, ethical, and equitable (TREE). *Journal of Mixed Methods Studies*. 9(1). P. 82-129. DOI: <https://doi.org/10.59455/jomes.2024.9.2>

Qosimov B., Yusupov Sh., Dolimov U., Rizayev Sh., Ahmedov S. 2004. *Milliy uygʻonish davri oʻzbek adabiyoti (National revival period literature)*. Tashkent: Maʼnaviyat.

Riessman C. 2007. *Narrative Methods for the Human Sciences*. Sage Publications. DOI: <https://psycnet.apa.org/record/2008-05683-000>

Rizayev N. S. 2025. Coordination of The Constitution of The Republic of Uzbekistan With The Ideas of The Jadids Movement (Social - Philosophical Analysis). *Buletin Antropologi Indonesia*. Vol. 2. № 2. P. 1-5.

Rees K.M. 2024. Public Commemoration and Nationalizing the Cult of World War II in Kazakhstan. *Post-Colonial Approaches in Kazakhstan and Beyond. The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia*. Palgrave Macmillan, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-99-8262-2_4

Sadriddinovna S. S. 2024. The Role Of The Jadids In Elevating The Spirituality Of The People Of Turkestan. *Jurnal ISO: Jurnal Ilmu Sosial, Politik Dan Humaniora*, 4(2). DOI: <https://doi.org/10.53697/iso.v4i2.2074>

Samadova Kizi 2025. The Significance of the Jadids' Scientific Heritage in Developing the Spirituality of Youth in New Uzbekistan. *Intelektualitas Jurnal Penelitian Lintas Keilmuan*, January. 1(4):6 DOI: <https://doi.org/10.47134/intelektualitas.v1i4.3642>

Sartori P. 2016. Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change. *Journal of The Economic and Social History of The Orient*. 59. P. 193–236. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341397>

Sartori P., Babajanov B., 2019 Being Soviet, Muslim, Modernist, and Fundamentalist in 1950s, *Central Asia, Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 62, 108-165. DOI: [10.1163/15685209-12341476](https://doi.org/10.1163/15685209-12341476)

Sevara K. 2023. The essence of the reforms in public education of the jadids: on the example of textbooks and literature. *Научный вестник. Гуманитар Fanlar Seriyasi*. 2-son 1-seriya (138). P. 123-128. DOI: <https://doi.org/10.59251/2181-1296.2023.v2.138.1.1927>

Sinkkonen E. 2025. Chosen Glory and Chosen Trauma with Chinese Characteristics: Social Representations of History in an Authoritarian Context. *Nationalities Papers*. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2024.80>

Sobirovich T. B. 2022. Jadids Movement and its Role in Raising the Identity of The Uzbek Nation. *Asian Journal of Basic Science & Research*. DOI: <https://doi.org/10.38177/ajbsr.2022.4408>

Sobirovich T. B. 2024. The National Idea as a Driving Force behind Ideospheric Transformation in Uzbekistan: Exploring its Implications and Impact. *Asian Journal of Applied Science and Technology*. DOI: <https://doi.org/10.38177/ajast.2024.8316>

Soest von C., Grauvogel J. 2017. Identity, procedures and performance: how authoritarian regimes legitimize their rule. *Contemporary Politics*. 23(3). P. 287-305. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569775.2017.1304319>

Stone D. 2023. Revival of Uzbek nationalism: a Comparative study of identity formation in Post-soviet Uzbekistan. *Journal of Social Sciences and Humanities Research Fundamentals*. DOI: <https://doi.org/10.55640/jsshfr-03-11-04>

Thompson M. R. 2019. Legitimizing Authoritarian Modernism: Reactionary Culturalism. *Authoritarian Modernism in East Asia*. Palgrave Pivot, New York. P. 77–93. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-51167-6_5

Turdiyev B. S. 2022. Jadids Movement and its Role in Raising the Identity of The Uzbek Nation. *Asian Journal of Basic Science & Research*. 04(04). P. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.38177/ajbsr.2022.4408>

Tuyganov M. S., Nurbayev J., Kiyubek Zh.(2024. Concepts of “the state of nomadic uzbeks” and “chagatai ulus” in the policy of national construction of Uzbekistan. *Kazakhstan Spektr*. 109(1). P. 34–42. DOI: <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.03>

van Hulst M., Metze T., Dewulf A., de Vries J., van Bommel S., van Ostaijen M. 2024. Discourse, framing and narrative: three ways of doing critical, interpretive policy analysis. *Critical Policy Studies*. DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2024.2326936>

Wasziel T. 2019. Historical Narrative and Tradition as Instruments of Creating the Image of the State on the International Arena: The Case of Kazakhstan. *Historia i Polityka*. 37(30). P. 49–63. DOI: <https://doi.org/10.12775/HIP.2019.035>

Yilmaz K., Duran H. 2023. The impact of historical heritage and uzbek identity on the formation of Uzbekistan's foreign policy, *Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Baunsobed*. 26(50). P. 777-788. DOI: <https://doi.org/10.31795/baunsobed.1369705>

Zhang Q. 2024. Rehabilitating Republican China: Historical Memory, National Identity and Regime Legitimacy in the Post-Mao Era. *The China Quarterly*. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1017/s030574102400095x>

Alimova D.A. 2000. *Dzhadidizm v Srednej Azii: Puti obnoveniya, reformy, bor'ba za nezavisimost'* [Jadidism in Central Asia: Paths of Renewal, Reforms, and the Struggle for Independence]. Tashkent: Uzbekiston, 2000 (In Russian).

Malinova O.Yu. 2015. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity i dilemmy' rossijskoj identichnosti* [Actual past: Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian).

Malinova O.Yu. 2019. Kto i kak formiruet oficial'ny'j istoricheskij narrativ: Analiz rossijskix praktik [Who and How Shapes the Official Historical Narrative: An Analysis of Russian Practices]. *Polity*. № 3. P. 103-126. DOI:10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126 (In Russian).

Malinova O. Yu. 2016. Oficial'ny'j istoricheskij narrativ kak e'lement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-x k 2010-m godam [The Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: From the 1990s to the 2010s]. *Polis. Political Studies*. № 6. P. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10> (In Russian).

Miller A.I. 2023. Vy'stupleniya Prezidenta V.V.Putina po istoricheskim voprosam v 2019-2022 gg.: analiz motivov i adresatov [Speeches by President V.V. Putin on Historical Issues in 2019-2022: Analysis of Motives and Addressees]. *Political Science*. № 2. P. 46-64. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.02> (In Russian).

Mukhetdinov D. V. 2023. Jadidism as a New Type of Religiousity: Essay on Preliminary Conceptualization. Islam in the Modern World. DOI: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2022-18-4-43-64>

Repina L.P. (ed.). 2020. *Proshloe dlya nastoyashhego: istoriya-pamyat' i narrativy' nacional'noj identichnosti* [The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity]. Moscow: Akvilon. (In Russian).

Senyutkina O.N. 2018. Dzhadidizm kak chast' rossijskogo islamskogo diskursa (sovremennyy'e istoriograficheskie ocenki) [Jadidism as a Part of Russian Islamic Discourse (Modern Historiographic Assessments)]. *Islamic Studies*. Vol. 9. №. 2 (36). P. 15-29 (In Russian).

Soloviev A. I. 2025. Narrativy' v prostranstve vlasti. Vozmozhnosti i predely' narrativny'x politik [Narratives in the Space of Power. Possibilities and Limits of Narrative Policies]. *Political Science*. №2. P. 18-40 <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01> (In Russian).

Tameryan T. Yu., Shaipova A. M. 2024. Politicheskij narrativ: koncepcii, tipologii i struktury' [Political Narrative: Concepts, Typologies, and Structures]. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*. № 1. P. 16-35. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-3> (In Russian).

Sheygal E.I. 2007. Mnogolikij narrativ [Multifaceted narrative]. *Political linguistics*. № 22. P. 86-93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoli-kiy-narrativ> (In Russian).

Zavershinsky, K.F., Koryushkin, A.I., & Chayovsky, A. 2022. Political identity and national memory: The conflict of contemporary political narratives. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. № 38(1). P. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.107> (In Russian).

Список литературы на русском языке

Алимова Д.А. 2000. *Джадидизм в Средней Азии: Пути обновления, реформы, борьба за независимость*. Ташкент: Ўзбекистон.

Завершинский К. Ф., Корюшкин А. И., Чайовски А. 2022. Political identity and national memory: The conflict of contemporary political narratives. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. № 38(1). С. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.107>

Малинова О.Ю. 2015. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия.

Малинова О.Ю. 2019. Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик. *Полития*. № 3. С. 103-126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Малинова О. Ю. 2016. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Полис. Политические исследования*. №6. С. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

Миллер А.И. 2023. Выступления Президента В.В. Путина по историческим вопросам в 2019-2022 гг.: анализ мотивов и адресатов. *Политическая наука*. №2. С.46-64. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.02>

Мухетдинов Д.В. 2022. Джадидизм как новый тип религиозности: опыт предварительной концептуализации. *Ислам в современном мире*. 18(4):43-64. DOI: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2022-18-4-43-64>

Репина Л.П. (ред.). 2020. *Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности*. М.: Аквилон.

Сенюткина О.Н. 2018. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки). *Исламоведение*. Т. 9. № 2 (36). С. 15–29.

Соловьев А. И. 2025. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик. *Политическая наука*. № 2. С.18-40 <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>

Тамерьян Т.Ю., Шаипова А.М. 2024. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. № 1. С. 16–35. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-3>

Шейгал Е.И. 2007. Многоликий нарратив. *Политическая лингвистика*. №22. С. 86-93.